

Современные тенденции молодежной культуры: конфликт или преемственность поколений?

Культуре имманентно присуща способность к «омоложению», лежащая в основе процессов ее изменчивости, динамики, а потому для любого общества на всех этапах развития характерно так называемое противоречие «отцов» и «детей». Его смело можно отнести к вечным: «Нынешняя молодежь привыкла к роскоши, она отличается дурными манерами, презирает авторитеты, не уважает старших. Дети спорят с родителями, жадно глотают еду и изводят учителей»,— сетовал Сократ еще в 470 году до рождения Христа.

Однако, развертываясь во времени, культура не только обновляется, но и сохраняет себя благодаря действию через определенные социокультурные институты механизмов преемственности, которые транслируют каждому новому поколению культурное наследие предшествующих эпох (семья, традиции, общая система образования, средства массовой информации, учреждения культуры). В процессе трансляции какая-то часть оказывается утерянной, какая-то отвергнутой, но что-то добавляется новое. Подчас некоторые утраты оказываются невозвратимыми, а некоторые, по мере потребности, частично восстанавливаются. Эти процессы во многом носят непредсказуемый и спонтанный характер.

Новые поколения исходят из результатов, доставшихся в наследство от всех предшествующих поколений, однако отношение к этому наследству весьма избирательно. Они увязывают и развивают в нем только то, без чего невозможны дальнейшее существование и развитие, и отрицают то, что, с их точки зрения, уже устарело и утратило всякий смысл. А потому следует говорить не только о конфликте, но и о преемственности поколений. Как писал Ф. Достоевский, «не так скоро поколение отрывается от того, что сидит в нем наследственно; не так скоро отказывается человек от того, что вошло в его кровь...».

Поскольку традиционные общества развиваются постепенно, замедленными темпами, опираясь в основном на опыт старших поколений, постольку феномен молодежной культуры — признак преимущественно динамических обществ и был замечен в связи с конституированием так называемой техногенной цивилизации. Если ранее культура не делилась на «взрослую» и «молодежную» (независимо от возраста все пели одни и те же песни, слушали одну и ту же музыку, танцевали одни и те же танцы или не танцевали вовсе и т. п.), то теперь у «отцов» и «детей» появились серьезные отличия и в ценностных ориентациях, и в моде, и в способах коммуникации, и даже в образе жизни в целом.

Итальянский писатель, создатель и теоретик футуризма, Ф. Маринетти в своем манифесте «Новая религия — мораль скорости» писал в начале XX века: «Великолепие жизни обогатилось новой красотой — красотой скорости» [1].

---

*Бобахо Виктория Альбертовна — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного технического университета (МГТУ) имени Н. Э. Баумана.
Левикова Светлана Игоревна — кандидат философских наук, доцент той же кафедры.*

Стремительное и перманентное ускорение и обновление — ведущие характеристики современной жизни индустриальных обществ. Научно-технические революции делают их чрезвычайно динамичными системами, стимулируя радикальное изменение социальных связей и форм человеческих коммуникаций. В современной культуре присутствует ярко выраженный слой инноваций, которые постоянно взламывают и перестраивают культурную традицию, затрудняя тем самым процессы социализации и адаптации человека к постоянно меняющимся условиям и требованиям жизни. Усложнение и интенсификация социокультурной реальности, сопровождающиеся ломкой традиций и норм, стремительное и всеохватывающее распространение продуктов массовой культуры обуславливают угрожающие масштабы современного кризиса личности.

По мысли известного американского социолога О. Тоффлера [2], ускорение темпов жизни рождает чувство эфемерности как нового качества «скоротечности» повседневного бытия, нарастание ощущения мимолетности и непостоянства всего. Если в прошлом идеалами были прочность и долговечность, то теперь господствует принцип: «использовал — выбросил»; причем этот принцип распространяется не только на отношение человека к вещам, но и к людям, идеям, представлениям, понятиям и т. п.

Недолговечность и новизна образуют «опасную смесь», поскольку человек, стремящийся к самоидентификации, установлению социальных связей, ведет поиски в изменчивой среде, т. е. все объекты, с которыми он соприкасается и к которым мог бы присоединиться, пребывают в постоянном ускоряющемся движении. Таким образом, ему приходится выбирать среди меняющихся ценностей и целей, число которых при этом неуклонно возрастает. Так, например, перестройка принесла России нового положительного «героя времени» — политического диссидента. Революционные романтики Павка Корчагин и Женя Столетов ушли в небытие. Но и образу нового героя был отпущен недолгий век к 90-м годам его место заняли прагматичные бизнесмены, «умеющие жить». Государство, школа, семья, религиозные организации, политические лидеры, средства массовой информации, различные субкультуры рекламируют весьма разнообразные и отличные друг от друга ценности. Поиски человеком самого себя, своей индивидуальности и социального статуса в современных индустриальных обществах осложняются избытком выбора, сочетающегося с эфемерностью, динамизмом и новизной.

Как специфическое явление молодежная культура возникает также в связи с тем, что физиологическая акселерация молодых людей сопровождается резким возрастанием длительности периода их социализации (порой до 30 лет), что вызвано необходимостью увеличения времени на образование и профессиональную подготовку, соответствующую требованиям современной эпохи. Сегодня юноша рано перестает быть ребенком (по своему психофизиологическому развитию), но по социальному статусу он еще долгое время не принадлежит миру взрослых. Юношеский возраст — это время, когда экономическая активность и самостоятельность еще не достигнуты в полном объеме.

В смысле насыщения знаниями человек созревает гораздо быстрее, чем раньше, но в смысле положения в обществе, возможности сказать свое слово зрелость его отодвигается. «Молодежь» как феномен и социологическая категория, рожденная индустриальным обществом, характеризуется психологической зрелостью при отсутствии весомого участия в институтах взрослых.

В индивидуально-психологическом плане для молодежи характерны не всегда осознанное желание освободиться от внешнего контроля, повышенная эмоциональность, возбудимость, идеализация некоторых жизненных представлений, максимализм, а также неустойчивость нравственных позиций, часто основанная на восприятии негативных явлений общества. «... Конфликтное самосознание нашей молодежи является лишь отражением хаоса, существующего в нашей общественной жизни, а ее замешательство — естественный результат ее неопытности... Молодежь смотрит на конфликты современного общества как бы извне.

Именно поэтому она является зачинателем любых изменений в обществе» [3]. Социализация происходит под воздействием разнообразных условий и обстоятельств, которые складываются не только из деятельности общественных институтов и целенаправленного воспитательного процесса, но и под влиянием таких, как правило, неконтролируемых факторов, какими являются неформальная среда общения со сверстниками, взгляды и настроения, бытующие в обществе.

Молодежная проблематика в науке актуализировалась в середине 50-х годов XX века. Вышедшая в 1956 году монография израильского социолога С. Эйзенштадта «От поколения к поколению» содержала теоретические положения по проблеме гомогенных возрастных групп в индустриальных обществах, на которые впоследствии опирались все дальнейшие разработки этого круга проблем.

Причину образования гомогенных возрастных групп Эйзенштадт видел в антагонизме между социальными ориентациями семьи и вторичных общественных структур, присущем современному индустриальному обществу. Вследствие этого семья утрачивает свою главенствующую роль первичной инстанции социализации, частично ее берут на себя гомогенные возрастные группы. Социализация молодежи опосредуется принадлежностью к «peer group».

Понятие «peer group» разрабатывалось в американской социологии и означает нечто большее, чем «возрастная гомогенная группа», «группа сверстников». Слово «peer» этимологически восходит к латинскому «par» (равный), причем имеется в виду равенство не только по возрасту, но и по социальному статусу, и по взглядам, ценностям и формам поведения. Термин «peer group» используется для обозначения неформальных гомогенных возрастных групп молодежи, групп свободного времени. Они рассматриваются в качестве контактных групп, в рамках которых реализуются прямые непосредственные связи между ее членами.

Концепция «peer group» тесно связана с представлениями о существовании молодежной субкультуры, которая трактуется как частичная, относительно когерентная культурная система внутри общей национальной культуры. Ее возникновение связано с неопределенностью социальных ролей молодежи, неуверенностью в собственном социальном статусе. В онтогенетическом аспекте молодежная субкультура представляется как фаза развития, через которую должен пройти каждый молодой человек. Ее сущность — поиск социального статуса. Посредством ее молодой человек «упражняется» в исполнении ролей, которые в дальнейшем должен будет исполнять в мире взрослых.

Молодежи необходимы свои социальные площадки для конкретных дел. Самое доступное: досуг, где можно проявить собственную самостоятельность, — умение принимать решения и руководить, организовывать и организовываться. Досуг — это не только общение, но и своего рода социальная игра. Отсутствие навыков таких игр в юности приводит к тому, что человек и в зрелом возрасте считает себя свободным от обязательств.

Как показывают данные социологических исследований, чем масштабнее социальные преобразования, тем сильнее тенденция к образованию неформальных молодежных групп, продуцированию ими субкультур и тем вероятнее конфликт поколений, когда «дети» отрицают всякие авторитеты. Семья в такие эпохи частично или полностью утрачивает свою функцию как инстанция социализации личности, поскольку темпы изменений социальной жизни приводят к тому, что условия и образ жизни, верования и ценности, нормы поведения знания тех, кто проходил социализацию 20—30 лет назад (родители), и молодежи настолько различны, что уже сами по себе несут потенциальные возможности конфликта. Кроме того, с возрастом уменьшаются способности к адаптации, новое не принимается и не усваивается взрослыми так быстро, как молодежью. Поэтому для старших характерно постоянное отставание от бурного темпа жизни, приводящее к тому, что в зрелом возрасте человек как бы возвращается к привычкам, позициям и убеждениям, сложившимся в молодые годы. Это порождает историческое несоответствие старшего поколения изменившимся задачам нового времени.

Чем быстрее темп социальных изменений, чем они радикальнее и масштабнее, тем глубже эти различия.

Социализирующую функцию берут на себя возрастные группы; их субкультуры вырабатывают у молодежи механизм уверенности в исполняемых ролях и в принятом поведении и служат, таким образом, для взаимной адаптации сверстников. «Peer group» складываются в основном в учебных заведениях, а не на производстве, поскольку период ученичества — та пора, когда, с одной стороны, ослабевают контролирующая и регламентирующая функции семьи, а с другой — нет еще профессиональных обязанностей и обремененности заботами о своей собственной семье. Это состояние свободы от обязанностей и ответственности воплощается в различных «peer group». Таким образом, молодежный досуг — своеобразная форма воплощения этой свободы (уход от семейно-бытовых обязанностей, от социальной регламентации), поле для самореализации, самоидентификации.

А чтобы заявить о себе, общество следует удивить, поразить, иногда даже повергнуть в ужас. На это и рассчитаны одежда, манеры, жаргон, наркотики, специфические увлечения. Довольно часто все ограничивается лишь эксцентричностью поведения и нарушением норм общепринятой морали, интересами вокруг секса, тусовок, музыки и наркотиков. Однако эта же среда формирует контркультурную ценностную ориентацию, высшим принципом которой является принцип удовольствия, наслаждения, выступающий побудительным мотивом и целью поведения. Вся ценностная сетка молодежной контркультуры связана с иррационализмом, что продиктовано признанием собственно человеческого лишь в природном, т. е. отмежеванием «человеческого» от того «социального», которое возникло вследствие «монополии головы». Последовательный иррационализм определяет гедонизм как ведущую ценностную ориентацию молодежной контркультуры. Отсюда и мораль вседозволенности, являющаяся составным и органическим элементом контркультуры. Поскольку бытие контркультуры сконцентрировано на «сегодня», «теперь», то гедонистическая устремленность — прямое следствие этого.

Молодежная контркультура требует сознательного отказа от системы традиционных ценностей и замены их контрценностями — свободой самовыражения, личной причастностью к новому стилю жизни, установкой на ликвидацию репрессивных и регламентирующих моментов взаимоотношений, полным доверием к спонтанным проявлениям чувств, фантазии, воображения, невербальным способам общения. Ее основной девиз — счастье человека, понимаемое как свобода от внешних условий, добропорядочности. Личность, предлагаемая и «проектируемая» контркультурой, именно потому враждебно противостоит всякому нравственному запрету и моральному авторитету, что в ее психике не сформировались механизмы ценностей нравственно-духовной ориентации в человеческом мире.

Не менее существенным аспектом молодежной контркультуры выступает ее аполитичность. Так, по данным социологических опросов, проведенных авторами в 1990 году, когда общество в целом было сильно политизировано, четвертая часть московских старшеклассников утверждали, что в своей среде практически никогда не обсуждают политические проблемы; 23% на вопрос о том, «что в кругу ваших друзей ценится выше всего?», ответили: «интерес к политике, умение правильно разбираться в политических событиях» [4, с. 8]. «Политически значимым социогруппам досуг противопоставляет отчужденные «психо-группы» — временные спонтанные сообщества неформального типа, аккумулирующие антропоцентричную информацию, относящуюся к самоутверждению индивидуальности и реабилитации чувственности» [5].

В неформальных молодежных группах не столько снимают напряжение после учебы, сколько тренируются для исполнения социальных ролей, развития самознания и солидарности. С вступлением в юношеский возраст молодой человек отворачивается от семьи, ищет новую кампанию, которая должна защитить его от пока еще чуждого ему общества. Причем и учебные заведения, и различные официальные молодежные организации группируют молодых людей одного воз-

раста. Но эти гомогенные группы не могут стать для них «социальной родиной», ибо учреждаются взрослыми. Между потерянной семьей и еще не обретенным обществом молодой человек стремится примкнуть к себе подобным. Образующиеся таким образом «peer group» призваны удовлетворить потребность в социальной защите и обеспечивают молодому человеку определенный социальный статус. Платой за это зачастую выступают отказ от индивидуальности и полное подчинение нормам, ценностям и интересам группы.

Эти контактные группы продуцируют свою субкультуру, отличающуюся от культуры взрослых. Ей свойственны внутреннее единообразие и внешний протест против общепринятых установлений. Благодаря наличию собственной культуры эти группы маргинальны по отношению к обществу, а потому всегда содержат элементы социальной дезорганизации, потенциально тяготеют к отклоняющемуся от общепринятых норм поведению. Итак, с одной стороны, неформальные молодежные группы культивируют протест против общества взрослых, его ценностей и авторитетов, но, с другой стороны, именно они призваны способствовать адаптации молодежи к тому же обществу.

Однако взрослые, включая родителей, видят лишь очень немногое из того, что происходит в стенах учебных заведений, т. е. они наблюдают молодых главным образом в часы досуга. Поэтому можно легко спутать виды поведения, имеющие для их участников второстепенное или частичное значение, с образом жизни. Необходимо учитывать, что теории «peer group» и молодежной субкультуры были выработаны на основе наблюдений за поведением, так или иначе отклоняющимся от нормы. Молодежные группы становились предметом социологических исследований лишь в тех случаях, когда каким-либо образом начинали обращать на себя внимание. Многие же «нормальные» группы молодежи не привлекали к себе такого пристального внимания, не говоря уже о широкомасштабном исследовании их поведения и ценностных установок.

Между тем, по данным социологических исследований, лишь пятая часть молодых людей так или иначе соотносят себя с различными формами «peer group»

Нынешнюю ситуацию в России можно определить как стадию между старой системой ценностей, которая дает существенные сбои, и новой, которая еще только рождается. Говоря словами М. Гершензона, «настает время, когда юноше на пороге жизни уже не встретить готовый идеал, а каждому придется самому определять для себя смысл и направление своей жизни, когда каждый будет чувствовать себя ответственным за все, что он делает, и все, чего он не делает» [6]. Юность — период проб и ошибок, примеривания социальных ролей, период выбора.

Из чего же выбирает человек? Каждый из нас — наследников предшествующей культуры человечества — вправе выбирать из всего многообразия ее моральных, политических, идеологических, эстетических и других ценностей. Однако объективными условиями существования мы уже поставлены в ограниченный круг возможностей, обусловленный и генетическими, и социально-политическими, и национальными, и экономическими, и прочими факторами. Сегодняшнее смутное время в России делает такой выбор довольно сложным.

С одной стороны, несколько поколений россиян в силу понятных исторических причин были оторваны от истоков своей культуры. Верно отмеченные еще Н. Бердяевым пропасть «между верхним и нижним этажами русской культуры», изолированность «элиты от широких интеллигентских и народных слоев» [7] настоящее время не только сохраняются, но и усугубляются.

С другой стороны, молодежи активно навязываются красиво упакованный суррогат иных культур, продукты массовой культуры, энергичные проповеди «новых миссионеров» как с Запада, так и с Востока, разнообразие и часто противоречащие друг другу политические, идеологические, религиозные идеи и мифы. Ценностная система, которая складывается в молодежной среде сегодня, через какой-нибудь десяток лет может стать основой ориентации российского общества в целом, ядром его культуры.

Долгое время в нашей стране единственной молодежной организацией был комсомол, официально разрешенный и поддерживаемый. Однако уже в 70-е годы стали складываться неформальные молодежные группы, в силу общей социально-политической ситуации в стране находившиеся в «андерграунде», продуцирующие в ряде случаев свою контркультуру. Гласность и перестройка позволили этим группам легализовать свою деятельность, громко заявить о себе, значительно увеличив тем самым свою численность. Определенное место среди них занимали группы, формировавшиеся вокруг различных музыкальных вкусов и стилей (металлисты, роллинги, брейкеры, битломаны и т. п.). Возникали также неформальные молодежные организации, ценностные ориентации которых имели некоторый политический и идеологический оттенок (ностальгисты, анархисты, пацифисты, отклонисты, зеленые). Выделялись группы аполитичного, эскапистского характера (хиппи, панки, люди системы). Среди интеллектуальной молодежи пользовалась популярностью эстетствующая группа «митьки», выделявшаяся самоиронией и гротескно подчеркнутым стилем «а la Русь». Формировались группировки, исповедовавшие «культ мускулов» и физической силы (качки), а также криминогенные группы, объединявшиеся на базе агрессивности, жесткой организованности и противоправной деятельности (теляги, гопники, люберы и т. п.). Некоторые из них воодушевлялись лозунгами восстановления социалистической справедливости и борьбы со «скверной» в лице хиппи, панков и других.

Неформальные страсти металлистов, роггеров, панков, системных ребят, брейкеров, хайлайфистов и прочих групп и объединений с броскими названиями, которых неустанно «открывали» для широкой публики и усиленно рекламировали журналисты, выплескивались на страницы средств массовой информации. Нонконформизм этой молодежной среды проявлялся во всем: в манерах, в одежде, в увлечениях, в жаргоне, достигая иногда откровенно экстремистских форм. Однако, как правило, течения западной молодежной субкультуры на нашей почве зачастую трансформировались в довольно нелепые формы, приобретая лишь внешний характер; они «срисовывались» с западных сверстников неумелыми «художниками», поэтому получались не копии, а карикатуры.

После поражения августовского «путча» 1991 года волна демократической эйфории резко повысила социально-политическую активность, в том числе и молодежи. Достигнув максимума, эта активность стала спадать, что сопровождалось исчезновением многих неформальных молодежных группировок, значительным уменьшением численности оставшихся.

В настоящее время в молодежной среде можно выделить *три ведущих тенденции*. *Первая* характерна для молодых людей, занимающихся мелким бизнесом (мажоры). Такие группы складываются в интересах деловых операций (в основном разовых) и проведения свободного времени. Они ориентированы на легкое добывание денег и «красивую жизнь». Их характеризуют беспринципность, деловая хватка, достаточно хорошо развитое чувство корпоративности. В области нравственности им присущ моральный релятивизм, вследствие чего деятельность таких групп довольно часто связана с незаконным бизнесом и правонарушениями.

Вторая тенденция проявляется в деятельности «люберов», «гопников» и т. п. Они отличаются жесткой дисциплиной и организованностью, агрессивностью, исповедованием «культы физической силы», ярко выраженной криминальной направленностью и во многих случаях — связью с уголовным миром. Их «идеология» опирается на примитивизированные социалистические идеалы, окрашенные «уголовной романтикой». Основу деятельности таких групп составляют мелкий рэкет и спекуляции. Группировки этого толка, как правило, хорошо вооружены, причем уже не только цепями, ножами, кастетами, но и огнестрельным оружием.

Описанные выше молодежные криминогенные объединения в условиях политической нестабильности представляют значительную опасность, поскольку являются достаточно пластичным материалом и в любой момент могут стать

значимые ценности студентов-первокурсников МГТУ имени Н. Э. Баумана, %

Ценности	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Любовь	73	75	77	79
Дружба	72	76	67	72
Личная жизнь	63	63	67	68
Образование	63	63	62	57
Семья	58	56	63	63
Секс	55	49	56	47
Деньги	51	54	54	47
Творчество	45	43	44	44
Труд	41	42	38	40
Религия	27	25	27	15
Патриотизм	27	28	24	24

инструментом в деятельности политических организаций радикальной и экстремистской ориентаций.

Однако внимание к различным неформальным молодежным организациям явно преувеличено. Может показаться, что вся молодежь состоит только из неформалов. Таким образом из виду упускается едва ли не большая часть современной молодежи, которая «качает» мускулы, увлекается музыкой, «тусуется», но не это для нее выступает жизненной целью. Среди них — так называемые яппи и неояппи (*третья тенденция*). Это выходцы из средне- и малообеспеченных семей, отличающиеся целеустремленностью, серьезностью, прагматизмом, самостоятельностью суждений, оценок и деятельности. Они ориентированы на обеспечение себе в будущем «нормальной жизни» (материального достатка) и на продвижение по социальной и служебной лестнице. Их интересы концентрируются в сфере образования как необходимой предпосылке достижения цели. При этом образование рассматривается не как способ самораскрытия, а как шанс успешного продвижения в жизни. Поэтому в этой среде пользуются спросом исключительно практические образовательные курсы. В манере одеваться их отличают деловой классический стиль и подчеркнутая опрятность. «Яппи», как правило, не имеют вредных привычек, заботятся о своем здоровье, занимаясь престижными видами спорта. Для них характерно стремление «делать деньги» и успешную карьеру в качестве бизнесменов, банковских работников, юристов. Им свойственны технократические установки и собственная субкультура с весьма дорогостоящими материальными атрибутами.

Рассмотренные нами тенденции не являются исчерпывающим описанием современной молодежной среды. Ценностные ориентации перечисленных неформальных группировок нельзя назвать ни всеобщими, ни ведущими. Так, по данным социологического опроса первокурсников Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана, выяснилось, что несмотря на все катаклизмы, происходящие в стране, приоритетными среди молодежи остаются традиционные ценности «микромра» (см. таблицу).

Первые три позиции в иерархии ценностей студентов-первокурсников занимают «любовь», «дружба» и «личная жизнь», что является отражением актуальных экзистенциальных проблем, решаемых личностью именно в юношеские годы, когда наиболее сильна и наименее реализована потребность в ощущении собственной значимости, самоутверждении.

Заслуживают внимания факт постепенного возрастания предпочтений «человеческих требований» над «требованиями научно-технического развития» (от 60% осенью 1992 года до 74% к весне 1995 года) и стабильный приоритет «прав

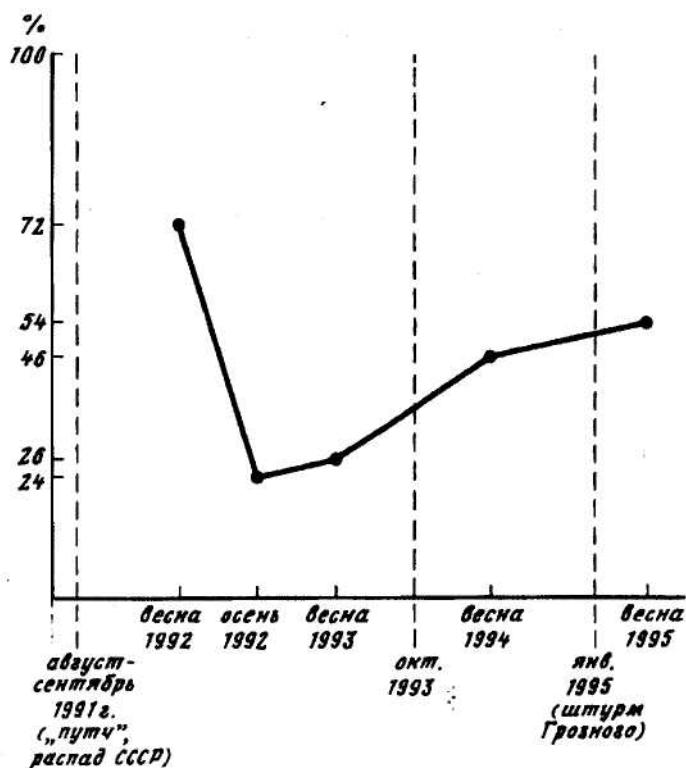

Рис. 1. Динамика положительных ответов на вопрос «Отличаются ли ваши политические взгляды от взглядов ваших родителей?».

личности» над «правами собственности» (до 88% опрошенных в 1995 году), что выступает отрадным показателем гуманизации взглядов технически ориентированных студентов.

Достаточно низкая девятая позиция «труда» в ценностной иерархии первокурсников МГТУ объясняется, на наш взгляд, разведением понятий «образование» (занимающим довольно высокую 4—5 позицию и следующим непосредственно за ценностями «любовь», «дружба», «личная жизнь», «семья») и «труд». Для студентов основной задачей является деятельность по получению образования, поэтому собственно «труд» для них выступает как реальность несколько отдаленного будущего, как следующий жизненный этап либо как средство подработки. Однако это не исключает тенденции снижения ценности труда в молодежной среде, ориентации на «легкие деньги» и просто потребительскую позицию. (Для уточнения этого вопроса требуются дополнительные исследования.)

Показательным является закрепление на четвертой позиции ценности родительской «семьи» и предпочтение ее над ценностями «деньги», «карьера». При этом если значение будущей карьеры для первокурсников МГТУ год от года падает (с 52% в 1992 году до 26% в 1995-м), то ценность семьи стабильно возрастает (с 36% в 1992 году до 49% в 1995-м). С одной стороны, это следствие социально-экономической зависимости студентов дневной формы обучения от взрослых, а с другой — наглядно демонстрирует ориентацию молодых на традиционные ценности, глубокую эмоциональную привязку к родителям и отсутствие конфликта поколений как масштабного феномена. Это подтверждается также данными, полученными при ответах на вопросы: «Трудно ли вам находить общий язык с родителями?» и «Согласны ли вы с ценностями и идеалами, в которые верят ваши родители?». Положительные ответы дали 23% и 73% респондентов, соответственно.

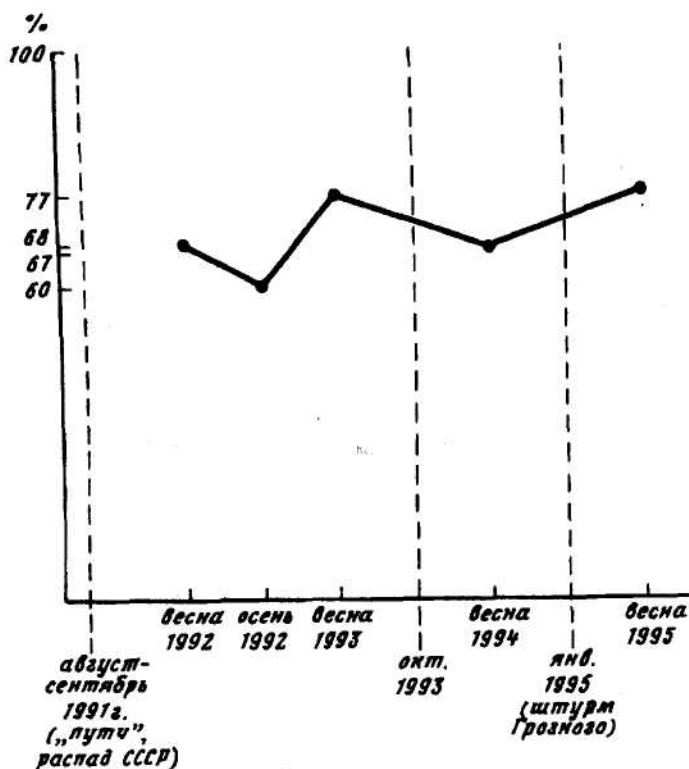

Рис. 2. Динамика положительных ответов на вопрос «Должна ли сильная личность руководить нашей страной?».

Интересна и динамика ответов на вопросы, касающиеся взглядов на будущую собственную семью студентов традиционно преимущественно «мужского» вуза. Так, наблюдается постепенная отрицательная динамика ответов «да» на утверждение «морально и приемлемо жить в незарегистрированном браке»: с 90% в 1992 году до 75% в 1995-м. И наоборот, отмечается постоянная положительная динамика в согласии с утверждением, что «представители обоих полов в равной степени должны выполнять домашние обязанности»: с 50% в 1992 году до 70% в 1995-м. Все меньше студентов соглашались с утверждением, что «когда муж зарабатывает достаточно денег, женщина должна сидеть дома» (т. е. не работать): в 1993 году — 77%, а в 1995-м — 44%. При этом в 1995 году уже 86% отвечающих на вопрос считают «важным, чтобы муж оставался верен жене, а жена — мужу». К разводам же, родителям-одиночкам и добрачным половым связям отношение студентов в подавляющем большинстве достаточно либеральное.

Однако обращает на себя внимание динамика ответов, полученных на вопрос: «Отличаются ли ваши политические взгляды от взглядов ваших родителей?» (рис. 1). Сложная и драматичная политическая ситуация в стране обернулась серьезными расхождениями в оценках политических событий студентами МГТУ и их родителями. Наибольший процент разногласий приходится на весну 1992 года (72%) и объясняется, на наш взгляд, сильной политизацией российского общества того времени, а также теми поворотными событиями, которые определили будущее страны (поражение августовского 1991 года «путча», распад СССР).

Следует отметить, что, по данным опросов, позиция «патриотизм» стабильно занимает последнее или предпоследнее место. По нашему мнению, это объясняется тем, что термин «патриотизм» за последние годы был дискредитирован пропагандой и деятельностью определенных политических объединений и их лидеров. Можно предположить, что для современного юношества это понятие

приобрело специфически негативную окрашенность. Ориентация средств массовой информации на прозападные ценности, уничижительное освещение истории и традиций нашей страны, а также нарастание кризисных процессов и непопулярность мер, принимаемых правительством, не способствуют формированию чувства гордости за свою Родину.

Примечательна динамика положительных ответов на вопрос: «Должна ли сильная личность руководить страной?» (рис. 2). Из диаграммы видно, что каждое значительное событие политической жизни нашей страны сопровождалось резким колебанием мнений по данной проблеме. При этом после поражения августовского (1991 года) «путча» и распада СССР лишь 22% опрошенных считали, что их родители согласны с теми ценностями и идеалами, в которые верят они сами. С осени 1992 года вплоть до событий октября 1993 года наблюдались определенная стабилизация и терпимость мнений в оценке политической ситуации молодым и старшим поколениями (расхождения во взглядах отмечают 24—26% респондентов). Опросы, проведенные весной 1993 и 1994 годов, выявляют четкую тенденцию к росту разногласий между родителями и детьми по этому кругу проблем.

Авторы хорошо понимают, чтобы делать далеко идущие выводы о взглядах и настроениях, а также о ценностных ориентациях российской молодежи, необходимо более масштабное исследование. Однако приведенные результаты опросов, на наш взгляд, заслуживают внимания и могут в какой-то степени рассматриваться как определенная тенденция, поскольку МГТУ имени Н. Э. Баумана является одним из крупнейших ведущих вузов России, в котором обучаются молодые люди технической ориентации, представляющие не только все регионы страны, но и все основные слои современного российского общества.

Ранжирование ценностей первокурсниками МГТУ на протяжении ряда лет показало стабильную ориентацию на традиционные ценности, семью. В этом аспекте они придерживаются относительно устойчивых взглядов, лишь незначительно отличающихся от взглядов старшего поколения (в основном по отношению к добрачным половым связям, разводам и родителям-одиночкам). Несмотря на сложную, противоречивую, динамичную ситуацию в стране, характеризующуюся усложнением и интенсификацией социокультурной реальности, коренной ломкой традиций и норм, юное поколение, по нашему мнению, не спешит отказываться от ценностей и идеалов поколения своих родителей. Противоречие «отцов» и «детей» в настоящее время в большей степени сосредоточено в политической сфере и характеризуется устойчивой динамикой роста. Для уточнения этой гипотезы и получения более репрезентативных данных нужны дополнительные широкомасштабные исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маринетти Ф. Т.* Новая религия — мораль скорости // Современный Запад. Пг.-М., 1923. № 3. С. 192.
2. *Toffler Alvin.* Futur Shock. New York, 1970.
3. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 445.
4. Московский старшеклассник: ценностные ориентации и социальные установки. Опыт социологического исследования. М., 1990.
5. *Ильин В. В., Панарин А. С.* Философия политики. М., 1994. С. 96.
6. *Гершензон М. О.* Творческое самосознание. М., 1990. С. 126.
7. *Бердяев Н.* Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» // *Бердяев Н.* О русской философии. Т. 2. М., 1991. С. 226.

© В. Бобахо, С. Левикова, 1996